

DOI 10.32726/2411-3417-2024-1-109-115
УДК 94(47)

ЕЛЕНА МИРОНОВА

Проблемы народного образования в письмах А.Н. Боратынского к А.К. Рачинскому

Аннотация. В статье впервые представлен источниковедческий анализ писем видного государственного, земского и общественного деятеля конца XIX — начала XX в. А.Н. Боратынского, представителя казанской ветви дворянского рода Боратынских, к его троюродному брату, члену Государственного совета, а затем товарищу министра народного просвещения А.К. Рачинскому. Рассматриваемые письма, хранящиеся в РГАЛИ, носят частный характер, но затрагивают прежде всего общественные вопросы. Их анализ дает представление о темах, которые волновали двух крупных российских специалистов в области народного просвещения в предреволюционные годы. Сделаны выводы о характере отношения Боратынского к поднимаемым проблемам образования, в частности развития учебных заведений для представителей нерусских народов Российской империи. Обозначена перспективность дальнейшего исследования семейной корреспонденции Боратынских и эпистолярного наследия отечественной элиты в целом.

Ключевые слова: А.Н. Боратынский, А.К. Рачинский, Казанская губерния, переписка, эпистолярное наследие, история народного просвещения, школьное образование, национальные учебные заведения.

В современном мире образование является одной из наиболее важных сфер общества. Появление новых профессий, увеличение массива потребляемой информации требуют умения работать с этой информацией и получать необходимые знания. От недостаточного уровня образованности граждан страдают все области общественной жизни, а государства, уделяющие недостаточно внимания сфере образования, становятся неконкурентоспособными.

В первую очередь развитие образования определяется государственной политикой, но не стоит забывать, что ее реализация зависит от людей — начиная с министра и заканчивая учителем. Степень искренности их намерений приносить пользу отечеству и понимания этой пользы может нейтрализовать действие неудачного законодательного акта (хотя бы в пределах одной школы) или, наоборот, исказить в худшую сторону самые благие начинания законодателя.

Сведения об авторе: МИРОНОВА Елена Валерьевна — старший научный сотрудник Отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань), кандидат исторических наук, yelena.mironova@yandex.ru.

Все это относится не только к дню нынешнему, но и к дореволюционной России. В условиях, когда огромные массы крестьянства оставались малограмотными, как это было еще в начале XX в., вопрос просвещения стоял очень остро. Наиболее достойные члены дворянского сословия, представители которого по большей части занимали высокие посты в государстве и формировали его политику, понимали важность народного образования для развития страны. К ним можно отнести и таких государственных и общественных деятелей, как Александр Николаевич Боратынский, предводитель дворянства Казанского и Царевококшайского уездов (1900–1917), гласный Казанского губернского земского собрания, депутат III Государственной думы (1908–1912), и его троюродный брат Александр Константинович Рачинский, входивший в 1912–1915 гг. в состав Государственного совета, где он занимался преимущественно законопроектами в области образования, а затем около двух лет служивший товарищем министра народного просвещения.

Казанская ветвь рода Боратынских, потомков знаменитого поэта Евгения Боратынского (Баратынского)¹, всегда отличалась тягой к образовательной деятельности. Сестра Александра Николаевича Ксения организовала школу для крестьянских детей и сама же в ней преподавала. Александр, будучи земским деятелем, пристальное внимание уделял сельским школам и педагогическому составу, а также вопросам образования нерусского населения губернии. Рачинские также показали себя радетелями за дело народного просвещения.

В последние десятилетия эпистолярное наследие казанского дворянства является предметом устойчивого интереса исследователей. В фокусе внимания оказались письма интеллектуальной, творческой и политической элиты, раскрывающие новые факты в биографиях, показывающие характер взаимоотношений в дворянско-интеллигентской среде [Валеева; Ратников, Ратникова. С. 170–181; Скворцова. С. 184–187].

Среди эго-документов дворян Казанской губернии письменное наследие Боратынских занимает особое место. Изучение и научная публикация их семейной корреспонденции [Баратынский. С. 126–324], дневников и воспоминаний [Боратынская. С. 15–480] является перспективной источниковедческой темой, так как помогает представить мировосприятие не только отдельно взятых представителей этого знатного рода, но и всего провинциального дворянства. Боратынские вели активную переписку с родными и близкими, проживавшими в разных уголках Российской империи. Среди адресатов стоит выделить знаменитого педагога С.А. Рачинского, в письмах к которому преобладали вопросы делового характера, связанные с постановкой школьного дела в сельской местности, и его племянника А.К. Рачинского.

¹ Изначально родовая фамилия писалась через «о» — от названия замка «Боратын» («Божья оборона») в Галиции, принадлежавшего предку Боратынских. После того, как один из представителей рода перешёл в русское подданство, в документах (в том числе родословных книгах) стало появляться написание фамилии через букву «а». Прижизненные издания стихов подписывались то Боратынский, то Баратынский. В последнем сборнике — книге стихов «Сумерки» (1842) — поэт подписался: Боратынский [Климкова].

Три письма А.Н. Боратынского к А.К. Рачинскому, охватывающие период не позднее 1913 г. и до 1917 г. включительно, представлены в фонде Российского государственного архива литературы и искусства¹. (Но как следует из их содержания, переписка троюродных братьев была более интенсивной, и в фондах других учреждений могли, вероятно, сохраниться остальные письма, поиск которых еще предстоит.) Эти документы ранее не становились предметом исследования и вводятся в научный оборот впервые.

Изучение данных писем позволяет познакомиться с темами, которые волновали двух крупных специалистов в области народного просвещения в начале XX столетия, составить представление о мировоззрении А.Н. Боратынского, о его отношении к своему родственнику, занимавшему высокий государственный пост.

А.К. Рачинский родился в богатой семье дворян Смоленской губернии. Его отец — младший брат знаменитого просветителя С.А. Рачинского — был директором Московского сельскохозяйственного института, а бабушка приходилась сестрой поэту Е.А. Боратынскому. Александр Константинович получил образование в 5-й московской классической гимназии, затем окончил юридический факультет Московского университета. Владения А.К. Рачинского были сосредоточены в трех губерниях — Смоленской, Тамбовской и Черниговской — и насчитывали свыше 7000 десятин земли, в связи с чем он участвовал в дворянском самоуправлении, с 1911 г. дважды избирался на должность черниговского губернского предводителя дворянства. В 1915 г. А.К. Рачинский оставил общественную службу, поскольку был назначен на должность товарища министра народного просвещения. Именно это назначение сблизило его с казанским родственником — А.Н. Боратынским, с 1902 г. находившимся на земской службе и активно занимавшимся вопросами образования.

Казанское уездное земство последовательно улучшало школьную систему образования с самого своего создания в 1860-е годы. Этим занимался еще отец А.Н. Боратынского, будучи дворянским предводителем.

Александр Николаевич, в свою очередь, пробыл на посту уездного предводителя дворянства вплоть до 1917 г. К нему обращались за помощью как дворяне, так и люди из низших сословий, ежедневно он принимал просителей. Так, в 1911 г., используя свой авторитет, Боратынский принял участие в защите нескольких учительниц Казанской губернии, уволенных за проявленную «политическую неблагонадежность» [см.: Письмо Боратынского...]. Личный разговор с казанским губернатором М.В. Стрижевским помог восстановить учительниц в правах.

Кроме того, А.Н. Боратынский, будучи депутатом Думы в 1908–1912 гг., входил в комиссию по народному образованию, где пытался протолкнуть свои предложения. Одним из них, к примеру, было предложение подчинить церковно-приходские школы училищным советам.

1 Кроме того, в семейном архиве РГАЛИ представлены 28 дел с письмами и телеграммами от других адресантов, 3 — от самого А.К. Рачинского и 10 — с другими документами.

В разные годы Боратынский являлся членом педагогического и попечительского советов Казанской Мариинской 1-й женской гимназии (а также председателем последнего), членом попечительского совета Казанской женской 3-й («Котовской») гимназии, училищного совета Учительской семинарии.

Деятельность на ниве просвещения послужила поводом для коммуникации А.К. Рачинского и А.Н. Боратынского и обусловила характер их переписки, выдвинув на первый план обсуждение проблем народного образования.

Среди сюжетов, освещаемых в корреспонденциях, — слухи о возвращении иконы Казанской Божьей Матери (данная тема помогает датировать письмо), создание порайонных педагогических совещаний учителей начальных школ, личностная характеристика педагогического деятеля, представителя казанской миссионерской школы Я.Д. Коблова, обсуждение вопроса о языке преподавания в школах для «инородцев» (как с 1822 г. официально именовались в Российской империи определенные коренные народы Поволжья, Урала, Сибири и Средней Азии), а также отставка Рачинского с должности товарища министра.

Самое раннее из трех писем, адресованных А.К. Рачинскому, было направлено в период его депутатства в Государственном совете. В письме А.Н. Боратынский рисует портрет профессора Якова Дмитриевича Коблова, хорошо известного А.К. Рачинскому. С 1908 г. Я.Д. Коблов служил чиновником по ведомству народного просвещения: инспектором народных училищ Елабужского уезда Вятской губернии (1908–1910), инспектором народных училищ Казанского уезда Казанской губернии (1910–1914), окружным инспектором Киевского учебного округа (1914–1917). В 1917 г. Коблов вернулся в Казань, где он в молодости получил высшее образование. Боратынский, имевший возможность познакомиться с ним в период службы Коблова в Казани, дает довольно детальную характеристику его личности: «Дорогой Александр Константинович. Вчера на курсах учителей видел инспекторов народных училищ и вспомнил, что Вы спрашивали мое мнение о Коблове. Весьма трудно охарактеризовать этого человека; у него есть крупные достоинства¹ и крупные недостатки. Он умный и даже довольно яркий человек, но грубоватый по воспитанию, не строгий в своих отношениях к женщинам, не смелый в своих суждениях при столкновении их с мнениями начальства, но не раболепный и не беспринципный. Ум у него философствующего склада², он не равнодушен к добру и правде, я наблюдал в нем иногда недовольство самим собой, настроение, свойственное людям небезнадежным, с моей точки зрения. Он занимался инородцами и знает немного татарский язык. Впрочем, это «немного» больше, чем сведения других, все же свободно владеть языком, по-моему, он не может»³.

1 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 427. Оп. 1. Д. 1374. Л. 7.

2 Там же. Л. 7 об.

3 Там же. Л. 8 об.

Далее Боратынский переходит к теме о языке преподавания в конфессиональном учебном заведении: «Обдумывая вопрос о школе... я вижу, что самое большое затруднение мы встретим в преподавателях и в невозможности передавать некоторые предметы на инородческих языках. Однако я говорю это не для того, чтобы сложить оружие. Обработать это дело в короткое время нельзя. Несомненно, я не буду говорить «крупным татарам» о том, что министерство задумало такую школу, да я не намерен вообще об этом рассказывать, пока все это дело еще в зерне»¹.

По всей видимости, речь шла о подготовке новых «Правил о начальных училищах для инородцев», впоследствии принятых в июне 1913 г., которыми упразднилось требование к учителям владеть местным языком [Городенко. С. 65]. В целом дворяне Казанской губернии признавали необходимость реформирования национальных учебных заведений, но единства в представлениях о том, каким способом осуществлять реформу, не было. А.Н. Боратынский, в частности, выступал против непродуманных высказываний и действий в отношении нерусских народов, советовал не обострять ситуацию, так как «подозрительное отношение к распространению в татарской среде русского образования провоцировало создание собственных учебных заведений с преподаванием на родном языке» [Журналы Казанского... С. 25–26]. На заседаниях земского и дворянского собраний Боратынский высказывался за то, чтобы в так называемых инородческих училищах учителя были обязательно русскими, но владевшими местными языками. Эти же идеи он продвигал в Государственной думе.

Именно рассуждения А.Н. Боратынского относительно некоторых положений законопроекта «об инородческой школе» дает нам основание утверждать, что данное письмо было написано не позднее июня 1913 г., когда были приняты новые «Правила».

Следующее письмо предположительно относится к 1915 г., так как в нем говорится об инсценировке возвращения иконы, утраченной в 1904 г. и якобы объявившейся в Курской губернии: «...теперь творится нечто невероятное. Здесь ходит слух, что в Курске хотят открыть пропавшую (украденную) десять лет тому назад икону Казанской Божьей Матери...»². Но ключевой темой данного письма является создание порайонных педагогических совещаний учителей церковно-приходских училищ: «В последнем Губернском Земском Собрании у нас постановлено предпринять объединение порайонных педагогических совещаний учителей начальных школ. Для этого выбрано особое лицо (Князь Кропоткин³), которое начнет с объединения инспекторов народных училищ в понимании задач просвещения в направлении нашего с Вами понимания. Собрание просило меня также принять участие в этом деле. Конечно, никакого вторжения во власть Вашего ведомства⁴ тут не будет и мы все вполне полагаемся на такт Князя Кропоткина»⁵.

1 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 427. Оп. 1. Д. 1374. Л. 8 об.

2 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 427. Оп. 1. Д. 1374. Л. 2.

3 Князь А.А. Кропоткин — гражданский и ядринский уездный предводитель в 1914–1917 гг.

4 В связи с назначением в апреле 1915 г. А.К. Рачинского товарищем министра народного просвещения.

5 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 427. Оп. 1. Д. 1374. Л.6.

Порайонные педагогические совещания создавались повсеместно с 1914 г. и имели целью решение различных теоретических и практических вопросов — от методики преподавания и ведения делопроизводственной документации до воспитательной работы с учениками, пропускавшими занятия [Ефремова. С. 47].

Письмо, датированное 3 января 1917 г., посвящено отставке А.К. Рачинского. «Дорогой Александр Константинович. Что же это, все пропало, или можно надеяться, что потеря, дорогого нам, Вашего министерства временная?.. Мы все, наша гимназия, народные учителя так огорчены Вашим уходом..., что я едва ли сумею это Вам выразить и даже не чувствую настроения, чтобы сейчас много говорить об этом... Воспользуйтесь свободой, чтобы немного отдохнуть»¹.

Товарищем министра народного просвещения А.К. Рачинский прослужил до начала 1917 г. Обстоятельства его увольнения нам неизвестны. Впоследствии он находился главным образом на общественной службе — в качестве члена Поместного собора Православной церкви. Очевидно, что Боратынский сочувствовал троюродному брату, считая его достойным занимать и впредь потерянный министерский пост. Еще в бытность Рачинского товарищем министра Боратынский писал: «Неужели не настанет то время, когда свежие и духовно светлые люди и в других ведомствах займут места у власти»².

Манера общения А.Н. Боратынского с А.К. Рачинским («примите... мой сердечный горячий привет», «От души обнимаю Вас», «Преданный Вам Боратынский», «Сердечно предан Боратынский», «Примите мой душевный поклон... буду сердечно рад свиданию с Вами» и т.п.³) свидетельствует о теплом отношении к Рачинскому и глубоком уважении к нему и его семье, хотя Боратынский и поднимал в письмах деловые вопросы, обращая внимание высокопоставленного столичного чиновника на проблемы народного образования в провинции.

В каждом письме чувствуется и душевное состояние Боратынского, его удовлетворение от общения с Рачинским «в такое время, когда настроение, вероятно, всякого русского человека утомлено»⁴. Боратынский видел в Рачинском человека, родственного не только по крови, но и по интересам. Это представлялось особо значимым на фоне раскола в российском обществе, обнажившегося в Первую мировую войну.

Исследованные письма носят частный характер, но затрагивают прежде всего общественные вопросы. А.Н. Боратынский делится своими планами, тем самым подчеркивая доверительное отношение к адресату, и показывает, что они совпадают с идеями А.К. Рачинского. Проявляя щепетильность («никакого вторжения во власть Вашего ведомства тут не будет»), Боратынский, судя по письмам, не стремился извлечь личную

1 Там же. Л. 1.

2 Там же. Л. 3 об.

3 Там же. Л. 2, 6, 9 об.

4 Там же. Л. 5.

пользу из своих родственных уз и контактов с Рачинским, а скорее советовался с ним как по важным для него вопросам в сфере образования, так и по духовно-нравственным проблемам (о мнимой находке Казанской иконы Божьей Матери).

Единой сюжетной линии в трех проанализированных письмах нет, но их объединяет одна главная тема народного просвещения, ставшего делом жизни обоих коммуникантов. Исследование переписки этих двух выдающихся людей еще предстоит расширить. Представляют интерес ответные письма А.К. Рачинского, а также их коммуникация с А.Н. Боратынским в другие периоды времени.

Литература

- Баратынский Е.А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М. 1987.
- Баратынская К.Н.* Мои воспоминания. М. 2007.
- Валеева Н.Г.* Портреты современников в эпистолярном наследии Д.А. Корсакова и Н.А. Попова // В мире научных открытий. 2014. №11–13 (59). С. 5207–5212.
- Городенко Д.В.* Формирование системы национального образования нерусских народов в России во второй половине XIX — начале XX вв. // Гуманизация образования. 2009. С. 62–67.
- Ефремова У.П.* Повышение образовательного уровня педагогов церковно-приходских школ Урала в конце XIX — начале XX в. // Педагогическое образование в России. 2014. №11. С. 43–49.
- Журналы Казанского очередного собрания дворянства в сессию 1911 г. Казань. 1913.
- Климкова М.* Боратынские: возвращение родового предания // А. М. П. Памяти А. М. Пескова. М. 2013. С. 330–343.
- Письмо Боратынского А.Н. Ильиной О.А., Боратынской Е.Н., 26 февраля 1911 г. // Отдел Национального музея Республики Татарстан. Инв. № 32827/750.
- Ратников А.Н., Ратникова О.Е.* Г.Р. Державин и современники: из переписки Г.Р. Державина и А.П. Брежинского // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. №2. С. 170–181.
- Скворцова Е.В.* Александр Николаевич Боратынский. Письма из Думы // Казанский посад в прошлом и настоящем. Сборник статей. Казань. 2002.